

Тредиаковский считал хорей основным размером русской поэзии, но допускал, что хорей может свободно переходить в пиррихий, в спондей и даже в ямба.

В противоположность Тредиаковскому Ломоносов требовал чистоты стихового размера, он называл стихи с пиррихиями «вольными» и протестовал против смешения ямбов и хореев.

«Не правильными и вольными стихами те называю, в которых вместо Ямба или Хорея, можно Пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где всегда определенное число слогов быть надлежит. . .»

«Хорея вместо Ямба, и Ямба вместо Хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и того ради не обходимыя нужды, или великия скорости: понеже они совсем друг другу противны».

В этом Ломоносов базировал свое суждение на основе требований немецкой поэтики, связанных с особенностями немецкого языка. Для русского же языка требование чистых размеров (двухсложных), как показала дальнейшая работа именно самого Ломоносова, оказалось невыполнимым.

Праш считал чистоту стихотворного размера одним из главных достоинств немецкой поэзии и презирал поэтов, сочетающих ямбы с хорейми.

«Dieses alles wird an unsern Deutschen Poeten, die gut heissen sollen, nicht gelitten, und macht vielmehr diese unvermischte Reinlichkeit des Reimmasses unsere Poesie viel poetischer als die andern und so zu sagen zur unzweifelichen Kayserin derselben».¹

«. . . Nicht bloss die Stümpler, sondern auch die Heerführer unserer Poesie, lassen hin und wieder Trochäen für Jamben passiren».² — говорит он с негодованием.

Далее Ломоносов переходит к вопросу о цезуре.

Тредиаковский считал цезуру необходимым элементом правильного стиха и отвел ей место в тринадцатисложном стихе на седьмом слоге, в одиннадцатисложном — на пятом. Ломоносов полагает вопрос о цезуре на волю стихотворца.

«Что до Цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов, употреблять и оставлять можно. Долженствует ли она в нашем Гексаметре для одного только отдыха быть не отменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитывать не может».

Интересно сравнить этот отрывок с рассуждением Готшпеда о цезуре:

¹ Gottsched. Präsens gründl. Anzeige (Beiträge, Bd. II, S. 143). «Все это не может быть терпимо у наших немецких поэтов, которые желают быть хорошими поэтами. Несмешанная чистота стихового размера делает немецкую поэзию более поэтической, и она является несомненной царицей среди поэзий других народов».

² Allgemeine deutsche Biographie, Bd. 26, 508, 1889. «... Не только пачкуны, но и вояжи нашей поэзии нередко подменяют ямбы хорейми».